

Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1924–1929 годах: Смоленщина

УДК 94(470.332) «1924/1929»:323.1

Евгений КОДИН, доктор исторических наук, профессор (Россия)

Евгений КОДИН, Ольга КОБЕЦ. **Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1924–1929 годах: Смоленщина.** Статья посвящена малоизученной теме – проходившему в 1920-х годах процессу белорусизации в российско-белорусском приграничье, а именно на Смоленщине. В Смоленской губернии проживало значительное количество белорусов. Поэтому на ее территории также начала реализовываться проводимая в БССР политика белорусизации. Авторы приводят свидетельства того, как власти губернии и само белорусское население относились к этому процессу.

Ключевые слова: Смоленская губерния, Россия, Беларусь, политика белорусизации.

Evgenii KODIN, Olga KOBETS. **Belarusization in Russian-Belarusian frontier areas in 1924-1929: Smolensk Province.** The article deals with the little-researched subject: the process of Belarusization in the Russian-Belarusian frontier areas, namely Smolensk Province, in the 1920s. Smolensk Province was home to a considerable share of Belarusians. The policy of Belarusization pursued in the BSSR was extended to its territory. The authors cite the evidence showing the attitude of the provincial authorities and the Belarusian population to this process.

Keywords: Smolensk Province, Russia, Belarus, policy of Belarusization.

Ольга КОБЕЦ, кандидат исторических наук, доцент (Россия)

В марте 1921 года X съезд РКП(б) принял резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В ней ставилась задача добиваться доверия угнетенных наций, развивать на их родном языке органы власти, общеобразовательные и профессионально-технические школы, культурно-просветительные учреждения, прессу и т. д. Через два года, в апреле 1923-го, XII съезд партии большевиков определил конкретные мероприятия в национальном вопросе: формирование органов власти национальных республик из числа местных жителей, знающих быт, обычаи народов и владеющих родным языком, чтобы обеспечить его использование во всех государственных органах и учреждениях. Общее название – политика коренизации. На местах она называлась по-разному: украинизация, белорусизация и т. д.

В июле 1923 года пленум ЦК КП(б)Б сформулировал основные принципы белорусизации, определил комплекс необходимых мер по развитию белорусского языка и культуры, выдвижению на ответственные посты белорусов. 15 июля 1924 года вторая сессия ЦИК БССР приняла постановление «О практиче-

ских мероприятиях по проведению национальной политики». С этого момента белорусизация становится государственной политикой в республике. Для ее осуществления была создана специальная комиссия во главе с известным в БССР общественным деятелем 1920-х – первой половины 1930-х годов Александром Хацкевичем.

В 1924 году во исполнение постановления ВЦИК СССР от 3 марта того же года Беларуси были переданы 16 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний с преобладающим белорусским населением [1], в результате чего территория республики увеличилась более чем в два раза, а численность населения – почти втрое, до 4,2 млн человек.

Смоленская губерния имела самое непосредственное отношение к Беларуси. В апреле 1918 года Смоленск стал административным центром Западной области, в состав которой к этому времени входили Витебская, Могилевская и Минская губернии. Именно в Смоленске 1 января 1919 года была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссии. С января 1919 года, после переезда белорусского правительства в освобожденный от немецких войск

Минск, Смоленск вошел в состав Российской Федерации.

В ходе территориальных изменений между РСФСР и БССР жителям сопредельных российских регионов было трудно приспособиться к инициированной Москвой и объявленной Минском официальной государственной политике белорусизации. На территории Беларуси данная политика предполагала в первую очередь введение во всех сферах жизни общества белорусского языка. К 1928 году на него было переведено около 80 % школ. Вместе с тем открывались и школы с родным языком обучения для национальных меньшинств. К слову, основная государственная документация в БССР велась на четырех государственных языках: белорусском, русском, еврейском и польском.

Политики и практики белорусизации не избежали и соседние с БССР российские регионы. Правда, здесь все в основном свелось лишь к школьной работе.

В Смоленской губернии, по данным переписи 1920 года (в границах 1925 года после территориальных изменений

1924 года), из 2 083 465 человек всего населения великороссы составляли 2 011 993 человек (96,56 %), белорусы – 50 470 (2,62 %), латыши – 5 423 (0,26 %), евреи – 5 149 (0,25 %), поляки – 2 844 (0,14 %), литовцы – 1 058 (0,05 %), малороссы – 978 (0,05 %), немцы – 246 человек (0,01 %) [2, л. 24]. Белорусы были второй по численности группой населения губернии, однако какого-либо особого внимания к белорусской проблематике в губернии никогда не ощущалось. Местное население в значительной степени воспринимало белорусов как часть русского народа, говорящего на несколько особом русском языке.

18 февраля 1923 года при Смоленском губернском отделе народного образования (губоно) создается бюро национальных меньшинств. Предполагалось, что именно оно будет курировать все вопросы школьного обучения для невеликороссов. На этом же заседании отдельно обсуждался вопрос о белорусских школах и культурных учреждениях в свете соответствующих партийных решений и циркуляров Главпрофобра Наркомпроса РСФСР. Всем уездным отделам народного образования губернии было предложено «немедленно начать введение в школах первой ступени белорусского языка, а в школах второй ступени дополнительно и белорусоведения». Заведующему белорусской секцией Н. Агейчику поручалось в связи с этим «вытребовать из Москвы литературу для школ» [3, л. 19]. В апреле того же года бюро нацменьшинств конкретизировало данное решение, постановляя ввести в 1923/1924 учебном году белорусоведение и белорусский язык в 150–200 школах первой и второй ступеней в уездах, где проживало белорусское население. Н. Агейчику следовало «в срочном порядке позаботиться обеспечить означенное количество школ необходимыми пособиями как для учеников, так и для учителей» [3, л. 20].

Летом 1923 года уже начинал подниматься вопрос о переводе части школ губернии на белорусский язык. В июле месяце в ходе работы межведомствен-

ОБ АВТОРАХ

КОДИН Евгений Владимирович.

Родился в 1957 году в с. Овстуг Жуковского района Брянской области (Россия). В 1980 году окончил Смоленский государственный педагогический институт (ныне – Смоленский государственный университет).

Трудовой путь начал в 1980 году учителем истории и английского языка в Любавичской средней школе Руднянского района Смоленской области.

С 1984 года работает в Смоленском государственном университете: лаборант, ассистент, секретарь комитета ВЛКСМ, секретарь партийного комитета института, доцент, декан факультета, проректор, руководитель научно-образовательного центра, заведующий кафедрой истории России факультета истории и права. В 2007–2017 годах – ректор этого вуза.

Доктор исторических наук (1999), профессор (1999).

Автор более 80 научных работ, в том числе 5 монографий.

Сфера научных интересов: американское историческое россиеведение и белорусоведение, сталинизм в российской провинции.

КОБЕЦ Ольга Викторовна.

Родилась в г. Смоленске (Россия). В 2000 году окончила Смоленский государственный педагогический университет (ныне – Смоленский государственный университет), Московский новый юридический институт (2003).

С 2007 года работает в Смоленском государственном университете: доцент, заведующий кафедрой, декан факультета истории и права.

Кандидат исторических наук (2006), доцент (2009).

Автор более 20 научных работ.

Сфера научных интересов: коллективизация сельского хозяйства в 1920–1930-х годах.

ного губернского совещания комиссий «по вопросу белорусов», на котором с основным докладом выступила профессор Смоленского госуниверситета Е. Клетнова, отмечалось, что белорусская самобытность имеет «громадную национально-культурную духовную обособленность» и перевод сельских школ на белорусский язык необходим, однако «с выявлением воли самого населения в каждом отдельном случае» [3, л. 22].

В утвержденном 4 октября 1923 года плане работы Смоленской белорусской секции при бюро нацменьшинств губоно ставились задачи перевода преподавания на родной (белорусский) язык в школах первой ступени, в которых обучались дети-белорусы; введения преподавания белорусоведения во всех школах второй ступени, семилетках и девятилетках Смоленской губернии. При этом совсем безадресно звучало требование: «Возложить преподавание белорусоведения на вполне опытных и соответствующих школьных работников». Без учебников, без программ, без методических разработок! В детдомах, детсадах и на площадках работу с детьми предписывалось вести «исключительно на их родном (белорусском. – *Авт.*) языке». Но кто это будет делать – оставалось большим вопросом.

В это же время одним из первых Н. Агейчик начал поднимать тему открытия в Смоленском госуниверситете кафедры белорусского языка для подготовки учителей и аналогичной кафедры в Горьком сельхозинституте для подготовки агрономов [3, л. 31 об.]. В целом, как свидетельствуют документы, смоленские власти реагировали на инициированные Москвой процессы по белорусизации, однако делалось это формально, лишь для того, чтобы показать – вопрос обсуждается, меры принимаются. До конкретных же решений и практических действий дело не дошло ни в 1923, ни в 1924 годах.

Лишь в 1925 году, когда президиум Смоленского губисполкома своим решением от 5 января возложил ведение работы среди национальных меньшинств на заместителя председателя губиспол-

кома – начальника губернского административного отдела И. Чадовского, она начинает постепенно активизироваться [1, л. 57]. После этого 12 апреля 1925 года по инициативе Смоленского губоно был создан Совет по просвещению белорусов под председательством Н. Агейчика. Сразу же приняли план работы: составить этнографическую карту населения губернии, произвести учет учителей-белорусов, как знающих, так и желающих изучить белорусский язык, выяснить, какие школы могут быть переведены на белорусский язык, и др. [4, л. 20]. Вскоре создали и первый список учителей-белорусов, проживающих и работающих в школах губернии. Таковых было 55 человек [4, л. 21–22].

Совещание по просвещению белорусов, проведенное Наркомпросом РСФСР 30 апреля 1925 года, постановило приступить с 1925/1926 учебного года к переводу школ в районах с преобладающим числом белорусского населения на белорусский язык. В целях реализации данного решения Смоленский губоно наметил к переводу 20 школ в волостях Смоленского и Рославльского уездов [4, л. 19 об.]. Но для этого надо было иметь соответствующих педагогов. Вопрос педагогических кадров решался в основном через специальную курсовую подготовку учителей. При этом все активнее инициировалось и создание в Смоленском государственном университете кафедры белорусоведения. И если в 1922 году Н. Агейчик говорил лишь о необходимости изучения в университете белорусского языка, то своим решением от 18 ноября 1925 года правление университета уже признавало «желательным организацию кафедры белорусоведения». Правда, отмечая при этом, что ни университет, ни губоно средствами для этого не располагают и потому просят Наркомпрос БССР об отпуске необходимых средств, а одновременно и о командировании соответствующих работников по белорусоведению.

На аналогичную просьбу в адрес Главпрофобра Наркомпроса РСФСР Смоленский губоно получил в это время мотивированный отказ. Москва сообщила,

что преподавание белорусского языка и истории белорусского народа на педагогическом факультете Смоленского университета предусматривалось «соответственным планом Наркомпроса» [5, л. 73]. Академических же часов отдельно на белорусоведение не предполагалось [4, л. 24 – 24 об.]. Ни финансовой, ни административной поддержки со стороны Москвы в этом вопросе не последовало.

В целом исполнительная власть Смоленщины не форсировала процесс белорусизации. Даже в декабре 1925 года губоно в переписке с Наркомпросом ставит перед собой задачу только с будущего, то есть с 1926 года, «постепенно переводить на белорусский язык» школы в местах с компактным проживанием белорусов. Аргументация прежняя: «для работы в белорусских школах нужны будут учителя, достаточно знакомые с белорусским языком» [5, л. 61]. Фраза «достаточно знакомые» красноречиво свидетельствует: в губернии мало учителей не только профессионально, но даже и на «достаточном» уровне владеющих белорусским языком.

Как отмечалось в одном из отчетных документов губисполкома, культурно-просветительная работа среди белорусского населения «была начата лишь в 25/26 г. До этого времени она не велась по той причине, что не было подготовленных работников» [1, л. 13]. Да и нужных средств на это у губисполкома не имелось. Расходы на работу с национальностями в смете губоно составляли всего 2 %. Летом 1926 года при губоно было три секции национальных меньшинств: белорусская, еврейская и латышская. Про белорусскую в отчете говорилось так: она работала слабо, поскольку находилась «еще в стадии развертывания» [6, л. 8].

Перечень достигнутых в 1925 году результатов оказался более чем скромным. В 19 группах школ первой ступени было введено преподавание на белорусском языке, в трех школах повышенного типа – преподавание белорусоведения. В Смоленском университете открылось белорусское отделение на рабфаке. Летом работали три детские площадки.

Осенью было создано белорусское землячество учащихся [7, л. 13].

Не стал переломным в работе по белорусизации на Смоленщине и 1926 год. Согласно переписи, в Смоленской губернии в это время проживало 2 292 712 человек. В сравнении с переписью 1920 года численность национальных меньшинств существенно изменилась: из 78 773 человек не великороссов, что составляло 3,5 % всего населения губернии, больше всего было евреев – 35 656 (1,5 % от всего населения и 45 % – от нацменьшинств), затем шли белорусы – 15 201 человек (0,9 % и 26 %), латыши – 6152 (0,3 % и 9,6 %), поляки – 2850 (0,3 % и 7,6 %), цыгане – 1801 (0,08 % и 2,3 %), литовцы – 1388 (0,1 % и 1,7 %), прочие – 5901 человек (0,3 % и 8,8 %) [8, л. 13]. Белорусы в основном проживали в Смоленском, Рославльском и Ельнинском уездах [9, л. 19].

Для достижения нужных показателей власти начинают прибегать к административному давлению. Приведем характерный пример того, как в школах вводилось белорусоведение. Вот письмо от Смолгубоно, адресованное руководству Качановской семилетней школы Любавичской волости Смоленского уезда: «Настоящим СМОЛГУБОНО предлагает ввести преподавание белорусоведения в 5 и 6 группах по 3 часа в неделю в каждой группе, а всего 6 часов в неделю. Эти часы вводятся сверх имеющейся сетки учебных часов и на оплату их отпущены дополнительные средства. Предмет белорусоведения вводится как обязательный. Преподавание поручается тов. Михайлову. Полученные школой учебные пособия по белорусоведению должны быть розданы беднейшим учащимся, а остальные должны приобретать их в общем порядке. Программа по белорусоведению при сем прилагается» [4, л. 31]. По сути это было не столько предложение, сколько прямая директива школе, требующая безусловного исполнения.

Более жестко и организованно начинает проводиться и курсовая переподготовка учителей. При этом местные смоленские курсы, в отличие от указанных ранее минских, предполагали более

широкий спектр предметов. О чем, например, свидетельствует учебный план губернских 3-недельных курсов по переподготовке учителей-белорусов летом 1926 года:

1. Общественно-политические вопросы – 10 часов (национальная политика компартии и советской власти – 4 часа, политика советской власти в деревне – 4 часа, международное положение – 2 часа).

2. Белорусоведение – 90 часов (история Беларуси – 10 часов, языковедение (практические занятия) – 60 часов, история белорусской литературы – 20 часов).

3. Производственно-краеведческие вопросы – 28 часов (природные условия Смоленской губернии – 6 часов, экономика Смоленской губернии – 6 часов, краеведческие экскурсии и конференция – 16 часов).

На непосредственно методические вопросы отводилось 37 часов [10, л. 7].

Учителя-курсанты обеспечивались вполне приличным по тем временам бесплатным питанием. Стоимость суточного питания одного человека составляла 1 рубль 15 копеек. Сюда входили завтрак (2 стакана молока и 2 французские булки), обед – 2 мясных блюда ежедневно меняемых, ужин – 2 стакана чая, 2 французские булки, 1/4 фунта чайной колбасы, или 1/6 фунта сыра, или 1/6 фунта сливочного масла [10, л. 38].

Основной формой практической белорусизации на Смоленщине должен был стать перевод школ на белорусский язык. Так, в начале 1928 года во время обследования национальных учреждений Рославльского уезда проверке подверглись семь белорусских школ. «Необходимо констатировать, что местная власть к вопросу перевода части школ на белорусский язык относится если не отрицательно, то безразлично (надо ли этим вообще заниматься, если вообще ставится вопрос о существовании этой нации – такие разговоры в уезде среди руководящих работников)», – отмечалось в акте проверки [11, л. 315]. Командированные в уезд белорусские учителя не привлекались к работе, а продолжали

работать русские учителя, от которых были взяты расписки о том, что они будут преподавать на белорусском языке, которым, правда, они не владели.

Из восьми школ, намеченных к переводу на белорусский язык, четыре даже «не делали попыток к переходу на белорусский язык». Само белорусское население «относится к школе на родном языке безразлично, а нередко и враждебно» [11, л. 315 об.]. Белорусское население, которое живет на границе с БССР и поддерживает с ней экономические связи, требует от учителей, чтобы они «преподавали белорусский язык» (но не вели на белорусском языке все предметы. – *Авт.*).

Как подчеркивалось в большом официальном докладе 1928 года о культуре среди белорусского населения Смоленской губернии, само оно «уже настолько обрусело, что не придает белорусизации никакого значения»; отношение населения к вопросам белорусизации «индифферентное» [11, л. 278]. Тем не менее средства на эту работу выделялись значительные. Детей белорусов школьного возраста (6–11 лет) по состоянию на 1 января 1928 года в Смоленской губернии насчитывалось 2158 человек. Для их обучения имелась 61 белорусская школа первой ступени (в это число входили и комплекты первой ступени в школах повышенного типа: 7-леток и 9-леток) [8, л. 68]. При общем увеличении расходов губернии в 1927/1928 учебном году на народное образование на 23,1%, ассигнования на просветительную работу среди белорусского населения выросли гораздо существеннее: если в 1926/1927 учебном году они достигли 17 539 рублей, то в 1927/1928 году – 37 263 рублей, т. е. увеличились более чем в два раза [11, л. 278 об.]. А на 1928/1929 учебный год они составляли уже 87 493 рубля [9, л. 54]. Хотя один из документов давал этому следующее объяснение: «Этот быстрый рост ассигнований по белинии объясняется тем, что развертывание белсети происходит главным образом за счет реорганизации существующих русских учреждений в белорусские» [11, л. 278 об.]. Дру-

гими словами, начинала складываться практика создания белорусских школ на бумаге.

Например, в октябре 1928 года Руднянскую 9-летнюю белорусскую школу обследовала комиссия во главе с заведующим Смоленским губоно. В ее выводах читаем: школа считается белорусской, но «ни по составу учащихся, ни по языку преподавания (русский) таковой признана быть не может». Она рассчитана на 200 учащихся, а фактически обучалось 700 детей. Учебных пособий, необходимых для нормальной ее работы, не было «(несколько склянок, пара примитивных приборов – все оборудование школы с огромным количеством учащихся)». Группы первой ступени учебниками были обеспечены удовлетворительно, старшие группы почти не имели учебников. Вообще, как заключила комиссия, школа производила впечатление девятилетки «весьма сомнительного качества» [11, л. 32].

Хотя были примеры и другого рода. Та же комиссия проверяла и Юрцавичскую школу первой ступени (белорусскую). Выводы почти противоположные: школьное здание соответствует своему назначению; обучение идет на родном белорусском языке; в классах порядок и чистота; топлива достаточно [11, л. 32].

Парадоксальная ситуация складывалась и с учебной литературой для белорусских школ. В целом учебников было достаточно. Белорусские школы снабжались ими по линии Смоленского губоно, Наркомпроса РСФСР и Наркомпроса БССР. Но именно такая чрезмерная забота нередко приводила к курьезным ситуациям, например таким: «Во время обследования белорусских учреждений Рославльского уезда была обнаружена белорусская литература десятками пудов, что объясняется присылкой последних для более обширной сети» [11, л. 279].

Далее следуют более жесткие оценки: «Отношение местных работников к вопросу снабжения нацмен учреждений необходимыми учебными пособиями граничит с преступлением. Так в Соинской школе 2 ступени валяются 35–40 пудов

белорусских учебников, присланные Наркомпросом. В Петровичской семилетке валяются на 300–400 р. белорусские учебники, а в то же время, в школах, где они нужны, их нет» [11, л. 317]. Оказалось, в Петровичский волисполком белорусские учебники поступили в количестве большем, чем требовалось. И тогда «для того, чтобы избавиться от этого несчастья, белорусская литература была сверху покрыта русскими книгами, и когда приехал какой-либо учитель, ему сказали: «На, возьми русские учебники» [11, л. 317 об.]. Другими словами, Москва и Минск развернули масштабную работу по изданию учебной литературы на белорусском языке. Но эти объемы не соответствовали реальной потребности имевшихся белорусских школ, а подгонялись под формальные плановые показатели, достичь которых так и не удалось. Негатива добавляла и несогласованность в поставке учебников в школы.

Не все складывалось и в работе рабфака Смоленского университета, где имелось белорусское отделение с тремя группами (в каждой до 30 обучающихся). Условия приема на него в 1927/1928 учебном году сделали максимально льготными: принимались исключительно белорусы, стаж для которых в сравнении с другими был снижен на один год, необходимая подготовка заключалась в следующем: знать четыре арифметических действия над целыми числами, иметь «элементарную общественно-политическую ориентировку», уметь читать и писать на родном языке, уметь читать и писать на русском языке [4, л. 42 об.]. Слушателям преподавали белорусский язык и географию на белорусском языке, остальные предметы – на русском. При этом наблюдалось «крайне недоброжелательное» отношение рабфаковцев к белорусскому языку. Во время приема на рабфак, как отмечено в официальной справке, поступающие «стараятся доказывать», что они «являются настоящими белорусами», а спустя несколько месяцев, даже недель, устраивают собрания и выносят постановления против преподавания белорусского языка [11, л. 279].

Практика белорусизации породила отдельную серьезную проблему в системе образования губернии – это одноклассные белорусские школы. В таких школах учитель в одной классной комнате вел занятия с тремя разными классами сразу. При этом старших нужно было учить на русском языке, а младших – на белорусском. «В одноклассных школах, где в первых группах ведется преподавание на белорусском языке, – отмечалось в справке по итогам проверки школ Рославльского уезда, – существует «каша» – дети пишут не то по-белорусски, не то по-русски, сам учитель иногда начинает занятия с группой по-белорусски и кончает по-русски» [11, л. 318]. Говорить о качестве преподавания и учебы в такого рода белорусских школах, конечно, не приходилось. Отсюда и очень большой процент второгодничества, доходивший иногда до 30–35 % [11, л. 279 об.].

В 1929 году начинается процесс административного создания Западной области с центром в Смоленске. В новом территориальном объединении количество белорусского населения составило уже более 78 тыс. человек. Власти хотят учесть имевшиеся ранее ошибки и недочеты в процессе белорусизации. Судя по официальным документам, есть понимание главного: «... открывать надо школы на белорусском языке там, где население подготовлено к этому. Во всяком случае насаждать белорусские школы без подготовки было бы весьма ошибочно и политически неверно» [8, л. 279]. Сами же процессы и в конце десятилетия характеризуются все теми же оценками, что и раньше: с белорусизацией дело обстоит «неблагополучно»; «белорусизация хромает на обе ноги» (плохой подбор педагогов, слабое знание учителями белорусского языка); «непопулярность» белорусских школ [9, л. 325 об.]; белорусские школы зачастую лишь «номинально носят это название»; белорусизация школ в белорусских районах «встречает большие препятствия» [11, л. 567] и т. д.

Появлялось и осознание другого подхода к решению проблемы: «белорусизация

одних лишь школ является полумерой, нужно начать белорусизацию с сельсоветов», ведь работа советских учреждений и общественных организаций, обслуживающих белорусское население, велась на русском языке, не было белорусских детсадов, детдомов, профтехшкол... [9, л. 326]. В то же время вставал сложный вопрос. Смоленская губерния – это российская территория, на которой компактно проживало большое количество белорусов. Надо ли было в этих районах переводить всю жизнь, включая работу местных органов власти, на белорусский язык, как это делалось непосредственно в БССР, или достаточно было бы работы с белорусским населением лишь по линии образования и культуры? Единых подходов к концу 1920-х годов так и не удалось выработать.

Пример Смоленщины свидетельствует, что власти губернии и уездов с компактным проживанием белорусов и само белорусское население не поддерживали практику белорусизации, лишь формально участвуя в этом процессе как в одной из составляющих государственной национальной политики. Смоленским руководством в самом конце 1920-х годов отмечалось: «Белорусские учреждения зачастую насаждаются сверху без должной подготовительной работы, а поэтому население... встречает белорусизацию отрицательно» [8, л. 76]. Белорусизация по сути стала такой же политической кампанией, как и многие другие, с присущими им чертами формализма и административного давления для получения нужных показателей в отчетности. ▀

Статья поступила
в редакцию 15.01.2019 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 667.
2. ГАСО. – Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2182.
3. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093.
4. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4282.
5. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3903.
6. ГАСО. – Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 962.
7. ГАСО. – Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 733.
8. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746.
9. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745.
10. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4287.
11. ГАСО. – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.